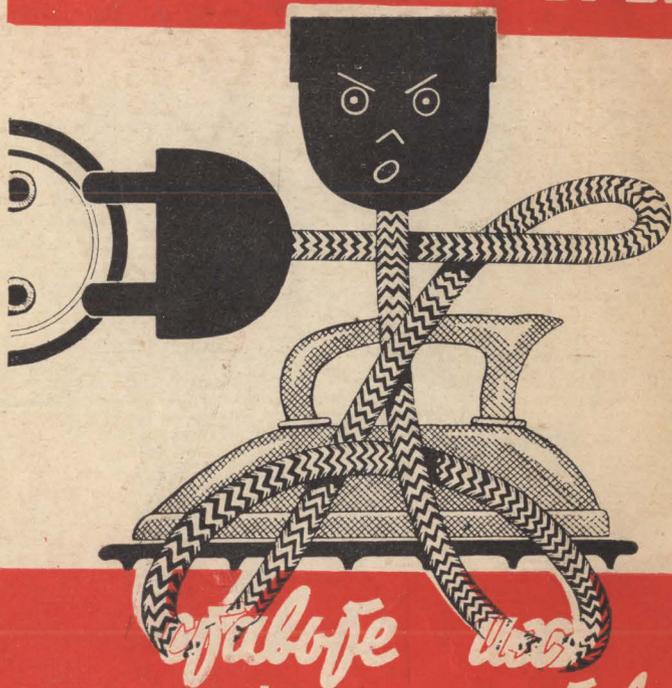

Цена 40 коп.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ВЫКЛЮЧАТЬ
ЭЛЕКТРОПРИБОРЫ

*Не забывайте
на несгораемые подсставки*

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 40

1959

Алексей НЕДОГОНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

С Т И Х И

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 40

Алексей НЕДОГОНОВ

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1959

Алексей Иванович Недогонов
СТИХИ

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 08412. Подписано к печати 15/IX 1959 г. Тираж 150 000. Изд. № 1433.

Заказ № 1851. Формат бумаги 70×108¹/₂. 0,5 бум. л. — 1,37 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

Алексей НЕДОГОНОВ

Алексей Иванович Недогонов — советский поэт, автор широко известной поэмы «Флаг над сельсоветом», за которую ему в 1948 году посмертно была присуждена Сталинская премия I степени.

А. Недогонов родился 19 октября 1914 года в городе Шахты, Ростовской области, в семье рабочего-кузнеца. С пятнадцати лет работал на производстве: плотником, крепильщиком, ремонтником, врубмашинистом на шахте. В 1932 году приехал жить в Москву, окончил рабфак, а затем Литературный институт имени А. М. Горького. С первыми стихами выступил в печати в 1934 году. С 1939 по май 1946 года находился в рядах Советской Армии. В финскую кампанию был рядовым бойцом, в дни штурма Выборга получил тяжелое ранение. За две войны, которые А. Недогонов прошел как воин и журналист, ему довелось побывать в Финляндии, Польше, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Награжден орденом Отечественной войны, орденом Красной Звезды и четырьмя медалями. В 1942 году вступил в члены Коммунистической партии.

Поэтическая судьба А. Недогонова была трудной. Вполне сложившийся поэт, зрелый мастер стиха, он, как это ни странно, слишком долго «числился по ведомству молодых авторов» и большинство своих произведений смог опубликовать лишь в заводской многотиражке и фронтовых газетах. Достаточно сказать, что при жизни Недогонова отдельной книгой была выпущена только первая часть его поэмы «Флаг над сельсоветом» (сначала в «Библиотеке «Огонек», затем в Костромском книжном издательстве), а стихи были изданы уже после его смерти. Однако и до последнего времени

многое из написанного Недогоновым оставалось неизвестным и лишь сейчас становится достоянием широких кругов читателей.

Жизнь А. Недогонова оборвалась 13 марта 1948 года, когда ему не исполнилось еще и тридцати четырех лет. Она оборвалась нелепо, трагически, в результате несчастного случая.

** * **

При подготовке к печати настоящего сборника произведений А. Недогонова все тексты его стихов заново сверены по сохранившимся в личном архиве поэта машинописным оригиналам и даются с учетом имеющихся там исправлений, сделанных его рукой. Тексты для книги подготовил К. Поздняев.

СТИХИ 1937—1940 ГОДОВ

* * *

До рассвета ночь еще в запасе.
Сети и надсады собери.
На сыром, задраенном баркасе
выплывай рыбалить до зари,

чтоб в корзинах, убранных катраном,
вдруг взметнулась щука над сазаном,
чтоб могли увидеть рыбаки,
как раздуют жабры чебаки.

Будут пахнуть сумерки у плеса
овсюком — травой полевой.
Прогрохочут по мосту колеса,
словно вешний гром над головой,
будто кто-то по небу подводу
вдруг промчит...

Глазами рыбака
ты увидишь, как идут под воду
камышы. линии и облака.

1937.

ОХОТА

Как славно осенней порой
за спину закинуть двустволку
и в гости пожаловать к волку —
свинцовой развлечься игрой.

С разгону вскочить на коня,
и, голову чуть наклоня,
пришпорить (огонь домочадцев

оставить во мраке),
и мчатся,
сквозь ночь пробивая коня,

кружиться под гомон подков
и выискать несколько жадных,
багровых,
косых,
беспощадных,
бегущих в траве огоньков.

— Угу-у-у! —
И, рванув поводя,
дать выстрел,
лететь за добычей:
сейчас же (небесный обычай!)
на выстрел ответит звезда.

Она, как ракета прямая,
блеснет,
образует прорыв,
попынную ночь озарив
и надвое сумрак ломая!

.
О первый студень туман,
плывущий над травами за Дон,
туда, где в багульниках спрятан
старинный азовский лиман!

Как славно, спустив поводя,
в седле своем плавно качаться,
и мчатся,
и мчатся,
и мчатся
неведомо-знамо куда.

Лететь по родимой земле
ковыльной
донской стороною...
И вдруг под высокой луною
заметить станицу во мгле.

Дон. 1937.

ВЕЧЕР В СТАНИЦЕ

На виноградниках,
на кленах
дрожит вечерняя звезда,
весна из рук своих зеленых
пускает первого дрозда.
И он взмывает над закатом,
багровым,
согнутым в дугу.
Лежит станица на покатом,
на невысоком берегу,
в садах.
Вот улицу стадо
ведет чабан.
Кричат грачи
на вербах. Полные прохлады,
журчат овражные ручьи.
На бревнах деды-хуторяне
абхазский нюхают табак.
На запах мяты и герани
спешит приезжий.
Лай собак
его встречает.
Близко где-то
за куренями щелкнул щур.
Светильник в окнах стансовета
вдруг вспыхнул
ярко чересчур.
У всех калиток мгла вставала,
и видно было из окна,
как воды Дона волновала
лучом серебряным луна.

1939.

ПОЕДИНОК

Гроза неистовствовала. Гремела.
И молнии летали в полумгле.
Как страшно было в небе!
Только смело
себя держали птицы на земле.

На травы пало серебро дождинок —
и дождь полил.
Земля под ним нема.
А где-то разгорался поединок
стихии с истребителями.
Тьма.

Каков исход?
И словно слышу.—
где-то
размеренного рокота мотор,
в тяжелых тучах выстрел пистолета
и молний блеск всему наперекор...

Недолго длиться яростным забавам,
сжимающим Вселенную в горсти.
Уж солнца луч, как огненный шлагбаум,
открыл для взора дальние пути!

И радуга стоит вполоборота,
обрамлена рубином, горяча;
в нее, как в триумфальные ворота,
влетают истребители, рыча.

Над степью,
как над павшим бастионом,
они летят — и свет во все глаза;
под гром аплодисментов их за Доном
встречает побежденная гроза.

И мир — как мир.
И в мире нет обмана.
Опять свежо в природе.

И, светла,
на рыльце наклоненного тюльпана
садится осторожная пчела.

Дон. 1940.

ДОМИК

Вспоминаю: у опушки леса —
станция,
снегов голубизна,
Левашово,
улица Жореса,
палисадник,
домик в два окна.

Маленький.
Под ношей снегопада
он живет спокойствием скупым —
в двадцати верстах от Ленинграда,
в тридцати — от финского снаряда,
в двух верстах от штаба.
Мы не спим.
На стене висит страна Суоми..
Пехотинцы дремлют на соломе...

Гул бомбардировщиков несносен:
он колеблет кроны снежных сосен
и сбивает с толку тишину.

Улицей Жореса батальоны
двинулись на север.
На войну.

В стуже каменной пути большого
на ветру граненый штык свистел.

Мрело небо.
Домик в Левашово
в декабре.
В рассвет.
Осиротел.

По ночам он только слушал вьюгу,
и внимал ветрам пороховым,
и стоял
резным фронтоном к югу,
к северу —
окошком слуховым.

Кто бы знал, что домик на опушке
не гасил в тревожный час огня

и глазами матери-старушки
проводил в сражение меня!
Шла война.
Озера стыли прорвами.
Глухо бил по Виппури снаряд.

С каждым шагом,
с каждым дотом взорванным
больше света шло на Ленинград.

..Воздух марта плотный, как железо.
Мы — в пути.
Окончена война.
Левашово. Улица Жореса.
Станция. Снегов голубизна.

Никогда ничем не затуманится
и навеки в памяти останется
невысокий домик в два окна!

Апрель. 1940.

СТИХИ 1941 — 1945 ГОДОВ

ЕВРОПА

Еще томятся матери и дети
в напрасном ожидании отцов.
Они не лгут, что света нет на свете,
что мир ужасен — душен и свинцов.

Гуляет в странах, вырвавшись из плена,
драконом бронированным война.
И вздрагивает слава Карфагена,
когда, пред сталью преклонив колена,
мрут города и гибнут племена.

Солдаты умирают на рассвете
за тыщи верст от крова и семьи.
Томятся дома матери и дети,
гремят в Восточной Африке бои.

И где-то там под солнцем полуденным,
ад проходя и бредя словом «рай»,
худой солдат, в походах изнуренный,
сорвал кольцо
с гранаты
невзначай.
Осколочная сила просвистела!..

Идут солдаты Африкой тоски.
Лежит в пустыне взорванное тело.
Его заносят жгучие пески.

И вот сейчас, когда легко солдату
лежать в песках, освистанных свинцом,
Европа мне напомнила
гранату
со снятым
неожиданно
кольцом!

1941 год. Канун войны.

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Роса еще дремала на лафете,
когда под громом дрогнул Измаил:
трубач полка —
у штаба —
на рассвете
в холодный горн тревогу затрубил.

Набата звук,
кинжальный, резкий, плотный,
летел к Одессе,
за Троянов Вал,
как будто он не гарнизон пехотный,
а всю Россию к бою поднимал!
1941.

ГНЕЗДО

Высота врезалась в рощу клином
и жила под ветром на дожде,
с маленьким гнездом перепелиным,
с желторотым птенчиком
в гнезде.

Озаряя рощу светом белым,
грозы польхали над гнездом.
Мать,
прикрыв птенца промокшим телом,
отводила молнии крылом.

В клочьях облаков,
как бог, спокойное
поднималось солнце.
Лишь тогда
перепелка в небо знойное
выпорхнула
из гнезда..

Дуновенье ветерка залетного
колыхало с пчелами цветы...

Пополудни
рота пулеметная
заняла рубеж
у высоты.

В полный рост поднявшись над долиною,
русский парень,
бравший города,
вырыл у гнезда перепелиного
ров
для пулеметного гнезда.

И когда по ковылю седому
вражий строй пошел на высоту,
птица, возвратившаяся к дому,
вдруг затрепетала на лету
и запела вдруг...

И в то мгновение
пулеметчик прошептал: — Пора...
(Я назвал бы ангелом спасенья
эту птицу серого пера!)

Грянул бой.
Она над боем черным
заклинала песней хрупкий дом
всем своим издревле непокорным,
гордым материнским существом...

А когда свинец поверг пехоту
и опасность обратилась вспять,
человек, присосый к пулемету,
мертвым был.

Но продолжал стрелять.

*Студенок. Изюмский плацдарм.
Август. 1943.*

И ПОДЪЕХАЛ К КОЛОДЦУ КАЗАК МОЛОДОЙ...

От копыт ветерок обдувал краснотал:
по дороге лихой эскадрон пролетал.
И свернули к селу, что правей от реки,
молодые кубанцы, орлы-казаки.
У колодца ведро плескало водой,
и подъехал к колодцу казак молодой.

— Я не зря, молодайка, к тебе прискакал,—
улыбаясь, ефрейтор Боярский сказал.—
Мы тебе, молодайка, поклон привезли
от далекой привольной кубанской земли.
Не жалея ты, голуба, студеной струи,
из ведерка кубанских коней напои...
Улыбнулась дивчина в ответ казаку
и ведерко с водой поднесла дончаку...

Отдыхающий полдень вставал над плечом,
и весеннее солнце играло лучом.
И казалось дивчине, что с дальней земли
это солнце с собой казаки привезли.

1944.

ВЕСНА НА СТАРОЙ ГРАНИЦЕ

Александрю Лильеру.

В лицо солдату дул низовый,
взор промывала темнота,
и горизонт
на бирюзовый
и розовый менял цвета.

Передрасветный час атаки.
Почти у самого плеча
звезда мигала, как во мраке
недогоревшая свеча.

И в сумраке, не огибая
готовой зареветь земли,
метели клином вышибая,
на Каму плыли журавли.

Сейчас рассвет на Каме перист,
лучист и чист реки поток,
в ее низовьях — щучий нерест,
в лесах — тетеревиный ток.

Солдат изведал пулевые,
веселым сердцем рисковал,
тоски не знал, а тут впервые,
как девочка, затосковал.

Ему б вослед за журавлями,
но только так, чтобы успеть,
шумя упругими крылами,
к началу боя прилететь...

Возникнуть тут, чтоб отделение
и не могло подозревать,
что до начала наступленья
солдат сумел одно мгновенье
на милой Каме побывать...

Вдруг — словно лезвие кинжала —
вдоль задремавшего ствола
мышь полевая пробежала,
потом рукав переползла.

Потом... свистка оповещенье.
Потом ударил с двух сторон
уральский бог землетрясения —
стальных кровей дивизион!

Взглянул солдат вокруг окопа:
в траве земля,
в дыму трава.
Пред гребнем бруствера —
Европа,
за гранью траверза —
Москва!

1944.

БАЛЛАДА О ЖЕЛЕЗЕ

Говорят, что любой человек
состоит из воды и металла:
девяносто процентов воды,
остальное — огонь и металл.
Нет, не выдумка то,
мне душою кривить не пристало,
сознаюсь:
я действительно где-то об этом читал.

Но не верить не грех мне
сухим кабинетным наукам.

Я по выкладкам, формулам,
честное слово, совсем не мастак.
Я б советовал нашим
еще не родившимся внукам
о проценте железа судить
в человеке
вот так...

...Если Францию некогда
била в упор митральеза,
а народ, чтобы жить,
воскресал, выживал, выносил,
значит, весь человек
состоял из такого железа,
что его даже смерть,
чтоб сразить,
выбивалась из сил.

Если злая беда
над Россией веками витала,
если русский народ
не поник под железной пятой,
значит, наш человек
состоит из такого металла,
в поединке с которым
не выдержит сплав золотой.

Мир стоит на железе,
да будет такое от века!
На полях отгремевших боев
тишина непривычно гудит,
и степным императором
с профилем древнего грека
на поверженном танке немецком
черный ворон спокойно сидит.

Мир к железу привык.
Он на глине был жалок и ветох.
Государство растений
живет под железным жезлом:
я видал, как фиалки
под солнцем цветут на лафетах
запыленных немецких орудий
в степи под Орлом.

Беспощадным железом
покой человека изрезан,
но никто из людей
раньше времени не умирал...
По долинам России
прошло испытанье железом:
против сталелитейного Ура
мы выставили Урал.

Не окончен поход.
Мы оружие гладим руками
и читаем в теплушках
железных законов устав.
Воздух бредит железом.
Грохочет на запад с войсками
по железной дороге
железнодорожный состав.

Счета нет на переднем
случайным погибельным безднам:
словно адская кузня,
грохочут железо и медь.
Мне пушкарь Железняк говорил:
— Ерунда! В этом гrome железном
просто-напросто нужно
железные нервы иметь...

...Как давно мы не спали
в спокойном родительском доме!
Как мы трудимся долго
на огневой полосе!
Мы по женам тоскуем.
Тоскует зерно в черноземе
по дождям проливным,
и тоскует трава по косе...

Мы победу возьмем
в молодые солдатские руки.
Нас немецкая сталь не доймет:
мы покрепче ее на войне!
Пусть со мной согласятся
мужи первоклассной науки:
девяносто —
не десять — процентов железа во мне!

Я бы всю родословную
внуков и правнуков отдал,
я пошел бы на то,
чтоб при всех
под сияньем светил
из меня златоустинский мастер
снаряды сработал
и чтоб их Железняк
в зачинателей войн вколотил!
1944.

ПАРТИЗАН ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ

Пел он устало и грустно
(шел он походкою тяжкой,
в правой руке карабин,
в левой руке цветы):
«Милая мама,
слезы твои
горячее пули усташской —
я пулю скорее приму,
чем видеть, как плачешь ты».

...Он сто контратак немецких
выдержал в южных планинах,
в лесах голодал,
в снегах коченел,
под горными ливнями мок...

Увидел он дом свой —
слеза сверкнула
в очах его соколиных,
он зубы сжал,
но заплакать
даже от счастья не мог.

В маленькой Сербии плакать
одни лишь камни умеют,
люди — нежней и суровой.
Мы смогли их понять.

...И терпеливая
старая сербка
бросилась сыну на шею.

Так обнимает
своих сыновей
наша
русская мать.

Югославия 1944.

ЗИМНИЕ ЦВЕТЫ

Романс

Зимние цветы стоят в бокале на окне,
сербиянка-девушка их подарила мне.
За окном — метелица с рассвета,
бьет в окошко ветер ледяной,
а цветы, как маленькое лето,
в комнатке штабной.

И когда морозный лунный вечер настает,
вижу, мимо дома сербияночка идет,
и поет она: «Когда и где мы
встретимся и перейдем на ты?»
Что же вы молчите, хризантемы,
зимние цветы?

Я покинул маленькую Сербию зимой,
но букет цветов остался в памяти со мной.
И всегда в завьюженное время
согревают душу и мечты
юной сербиянки хризантемы —
зимние цветы.

1944.

БОЛГАРСКИЙ БЕРЕГ

У моря — в центре Варны — скверик,
газон под пламенем глициний.
Бессонный горизонт и берег —
условные разрывы линий.

Не искушения величье,
а добродушие с приветом:

в коротком платьице момиче¹
на берегу стоит с букетом.

А он, такой неосторожный,
с взъерошенными волосами,
глядит на противоположный
почти орлиными глазами.

И сам не верит он, что в шуме
чужих береговых свиданий
его душа плывет в Батуми
морским путем воспоминаний.

Плывет... И вот аджарский берег,
и девушка в беретке синей,
и тот же — бомбой взрытый — скверик
в огне магнолий и глициний.

Болгария. 1945.

НОМЕР БЕЗ НОМЕРА

В гостинице на Шенбруннштрассе
портье мне номер отвела.
Она, как интендант в запасе,
нерасточительна была.

Сказала по-немецки слово,
приподняла по-венски бровь,
вручила медь ключа дверного —
и будь здоров, Иван Петров.

По коридору, словно по миру,
блуждал я. В крайность изнемог.
Но к причитавшемуся номеру
причалить все-таки не мог.

Одиннадцать, потом двенадцать,
потом четырнадцать идет,
но вот злосчастную «тринадцать»
сам черт с биноклем не найдет.

Я, прошагавший четверть века,
почуял, так сказать, нутром,

¹ Момиче — по-болгарски девушка.

что и у венцев цифра эта
не гармонирует с добром.

Шут с ним, с несчастьем цифры этой!
Коль счастлив мой победный путь,
то с этой дьявольской приметой
я потягаюсь как-нибудь.

...Проснулся утром — все в порядке,
Навел по-русски туалет,
проделал комплекс физзарядки,—
и сердце в клетке, а не в пятке,
и никаких несчастий нет.

И ничего дурного в Вене
со мною не произошло...
И я, считая вниз ступени,
оставил венской Мельпомене
разоблаченное число.

1945.

ПЕСНЯ

Уж он такого склада человек —
за миг до боя улыбнется просто:
«Что б ни случилось, проживу свой век,
коль не споткнусь на полдороге, до ста...»

Он чудом воскресал и выживал.
О нем проверьте списки в лазарете —
за всю войну он, не ропща, бывал
на том побольше, чем на этом свете.

Он с песней воевал и с песней жил,
она — его и горечь и удача,
он с ней, как с человеком, подружил,
и если пел,
казалось,— чуть не плача.

И грусть звучала в песенной строке,
и не было тоски похлеще и почище.
«Ты бы, земляк, поменьше о тоске».
«Из песен слов не выбросишь, дружище!
С любой песней жизнь люби свою:

с ней смерть легка и счастье полновесней,
а ежели придется пасть в бою,
так умирать не одному, а с песней...»

И если он ползет к черте атак,
ползет, сжимая автомат до боли,
спроси его: «Далече ли, земляк?» —
Ей-богу, он ответит: «Точно так,
за песнями в Москву, не видишь, что ли?..»

Так и живет он, песней обуян.
Она в дыму австрийского простора
его души всесильный талисман,
его молитва и его опора.

С такую песней он свое возьмет
здесь, в поймах Альп, в предгорьях и долинах,
с такую песней он переживет
земные тайны песен соловьиных.

1945.

Я, ГВАРДИИ СЕРЖАНТ ПЕТРОВ...

*Скажи-ка, дядя, ведь недаром..
Лермонтов*

Я, гвардии сержант Петров,
сын собственных родителей,
из пятой роты мастеров —
из роты победителей.

Я три войны исколесил,
прошел почти планету,
пять лет и зим в штыки ходил
и видел:
смерти нету.

Да, хлопцы, смерти в мире нет,
есть только бомбы,
свист ракет,
есть только танковый таран,
есть пули в горло,
кровь из ран,
санбаты,

дратвой шитый нерв,
есть старшина со списками,
есть каптенармус,
есть резерв,
есть автоматы с дисками,
есть направление снова в полк,
в родную роту пятую,
есть, наконец, бессмертный долг —
разбить орду проклятую!

Друзья мои,
поверьте мне,
в сколь труб тревога б не била,
я шкурой понял:
на войне,
ей-богу, смерти не было!..

Я, гвардии сержант Петров,
повоевал на славу:
за пять немыслимых годов
прошел миллионы городов
и защитил Державу.

Меня не привлекало дно
шипучего бокала,
но в знак победы мне оно
хмелинку отыскало.

И я под флагом старшины
в чужой стране, не скрою,
в день окончания войны
устроил пир горою.

Вот это был, ребята, пир —
на шар земной,
на целый мир!

В тот день — у счастья на краю —
на винном подогреве
бывал я кумом королю
и зятем королеве.

И уж какой тут, к черту, грех,
коль мы в частушках пира
разделявали под орех
и зло и кривду мира!

Пущай парфянское стекло,
пущай шелка Стамбула!
А в Тулу все-таки влекло,
а к Аннушке тянуло.

Тянуло накрепко обнять
свою золотую женку,
тянуло щедро запахать
колхозную сторонку...

Тянуло в ширь родных степей,
которые отныне
бессмертной солнца
и святей
любой святой святыни.

Друзья мои!
Поверьте мне,
мне, искрестившему в войне
гремучую планету:
на свете смерти нету!

1945.

ОСЕНЬ

Звезд тишина неизменная,
сумерек зыбкая просинь.
Первая послевоенная
милая русская осень.

Тихо пришла она, — вкрадчивая,
судя по звукам, — тугая,
песни и дни укорачивая,
свет в куренях зажигая.

В пору такую караичи
к лунным лучам приторочены,
в пору такую, играючи,
пробуют усики заячьи
танковый след вдоль обочины...

Все мне и любо и дорого:
и безразличьем простора

суженное до шороха
сердцебиенье мотора;

и журавлиная ижица,
что под луной воровато
древней дорогою движется
к знойному устью Евфрата;

и неземная, отпетая
вешняя юность акаций...
Осень относится к этому
с невозмутимой прохладцей.

Кочет горластый
неистово
прясла и птичник окликал.

...Осень сады перелистывает
после учебных каникул.

*Под Ростовом.
Осень. 1945.*

ЗЕМЛЯ

Как светлая память,
бессмертна далекая быль.
Сыновней любовью
я землю свою полюбил
за сказку рассвета,
в которой простор да ковыль,
в которой над стрепетом
коршун в погибель трубил;

за сказку рассвета,
в которой запевки свои
дарили казачки
чубатым лихим женихам,
в которой ночами
гремели в садах соловьи,
последние звезды
на откуп отдав петухам.

Сыновней любовью
я землю свою полюбил.
Я в детстве на ней
молодые деревья сажал,
и зверя степного
на ней я впервые убил,
на ней в поединке
впервые бесстрашье стяжал...

Я ввек не забуду иную,
суровую быль:
на милой равнине —
следы орудийных колес,
следы отступлений,
степная летучая пыль
да в небе над пылью
германский —
с крестом —
бомбовоз.

Проклятье фашисту!
Он танком тюльпаны глушил,
он листьями яблонь
баварских кормил лошадей,
седых коммунистов
у двери петлею душил,
пытал и пожаром
и мукой библейских гвоздей!

Что может быть злей
и суровой возмездья земли,
вскормившей своими хлебами
таких сыновей,
которые с гневом ее
до Берлина дошли,
нигде не забыв
милосердья России своей?

1945.

СТИХИ 1946—1947 ГОДОВ

ШУТОЧНОЕ ПОСЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ

В тыщу девятьсот восьмидесятом
выйдут без некролога газеты.
Я умру простым, как гвоздь, солдатом,
прошагавшим в битвах полпланеты.

Я умру — вы на слово поверьте —
вашим верным, вашим прочным другом,
со спокойной мыслью, что до смерти
всем врагам воздал я по заслугам.

В том году, как броневик, суровый
«ЗИС-107» пройдет по Сивцев-Вражку.
Буду я лежать, на все готовый,
с крышкой гробовою нарапашку.

И студент последней самой моды
скажет, проходя по переулку:
— В силу диалектики природы
он ушел из жизни на прогулку.

Я студенту возражать не буду:
мысль сухая, трезвая, благая.
Некрасиво бить в гробу посуду,
истиной науку пренебрегая...

Утром в девятьсот восьмидесятый
под синичий писк, под грай вороний
домуправ гражданскою лопатой
намекнет на мир потусторонний.

Вот и стану — запахом растений,
звуком, ветром, что цветы колышет...
Полное собранье сочинений
за меня сержант Петров напишет.

Он придет с весомыми словами,
с мозгом гениального мужчины.
Если он находится меж вами,
пусть потерпит до моей кончины.

Констанца. 1946.

* * *

Я взвешивался в детстве
на весах,
дивясь, как цилиндрические гири
скользили на размеченном шарнире.
И все.
Но я не знал о чудесах,
не знал, что мне
за мелкую монету
они тогда —
до точности почти —
смогли в своих делениях найти
мой вес —
мое давление на планету.

Июнь. 1946.

МОРОЗ

Пришел мороз в мохнатой шубе
и, крикнув, взялся за дубок.
Переломил. Измерив глуби
и убедившись, что глубокий
студеный Дон, он с диким рвением
волну с волною так роднил,
что их при взлете
дуновением
пронизывал и леденил!

Всю ночь, как рыба, Дон метался.
К утру его сковали льды.
Посередине все ж остался
лоскут синеющей воды.

Бежали к Дону казачата,
мороз встречал их на пути:

— Лед тонок, детки, рановато! —
и не давал вперед пройти:
то схватит за уши,
то щеки
колючим холодом обдаст
(он четверть неба на востоке
кармином выкрасить горазд).

Весь день он чем-нибудь
да занят:
то ивняком стрельнет в бору,
то в палисадах партизанит
по всей станице ввечеру,

то на усы повесит иней,
то схватит за нос казака,
то побеседует с гусыней,
то раззадорит гусака...

Так в окнах день за днем мигал он,
шел синим светом в высоту,
и у колодцев воздвигал он
волшебных замков красоту.

Но март запел свежо и звонко.
А он, морозец, всем назвал
последний раз нажал —
и тонко
в светелке треснуло стекло.

А утром видели мы сами,
как, захмелевши от побед,
под ветровыми парусами
весна гналась за ним вослед!

1947.

* * *

Куры в лужах пировали,
воробьи зерно клевали.

Грач — испытанный оратор —
увидал чужой причал
и, взлетев на элеватор,
«Кррража, кррража!» — закричал.

Куры смелости лишились —
бабьей прыти не сдержать,—
закружились,
всполошились:
«Куд-куда, куда бежать?!»

Воробьи в переполохе
побросали зерен крохи
и с испугу в коноплю
еле крылья унесли.

Убедившись, что воришки
улизнули со двора,
грач слетел на землю с вышки
и, смеясь, промолвил: «Кррра...

...Крррасота!..»
И сам на зерна
Приналег весьма проворно.

1947.

БАЙДАРОЧКА

Лодочка-байдарочка
стрелой летит:
в лодочке той парочка
гребцов сидит.

Звезды, как фонарики,
в воде горят:
на родной Москва-реке
цветной наряд.

Лодочка-байдарочка
чуть-чуть скользит,
в лодочке той парочка
гребцов сидит.

Легкое движение
чуть-чуть вперед:
волею течения
ее несет.

Не скользит байдарочка,
чуть-чуть волна:
в лодочке той — парочка,
а тень — одна.

Слушайте, товарочки,
откроюсь я:
то была в байдарочке
с любимым я!

1947.

* * *

Томится зернышко побега
в земном удушии немом:
лежит земля в конверте снега
нераспечатанным письмом.

Покуда марта сон сторожек,
апрель — в бессонницах ночных:
письмо вскрывает ветра ножик
со всех углов низин речных.

Уже мотор рокочет в поле
и луч скользит по целине.
Читают дети в сельской школе
стихи о пушкинской весне:
«Гонимы вешними лучами...»

А за раскрестием окна
шумит ручьями
и грачами
ржаная
добрая весна.

1947.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи 1937—1940 годов

«До рассвета ночь еще в запасе»	5
Охота	5
Вечер в станице	7
Поединок	7
Домик	9

Стихи 1941—1945 годов

Европа	11
22 июня 1941 года	12
Гнездо	12
И подъехал к колодцу казак молодой	13
Весна на старой границе	14
Баллада о железе	15
Партизан возвращается домой	18
Зимние цветы	19
Болгарский берег	19
Номер без номера	20
Песня	21
Я, гвардии сержант Петров...	22
Осень	24
Земля	25

Стихи 1946—1947 годов

Шуточное послание друзьям	27
«Я взвешивался в детстве»	28
Мороз	28
«Куры в лужах пировали»	29
Байдарочка	30
«Томится зернышко побега»	31
